

Чудовище с острова Форэ

Ингмару Бергману — 85 лет

Киниерсант. — 2003. — 15 июля. — с. 13.

юбилей КИНО

Вчера исполнилось 85 лет Ингмару Бергману. **АНДРЕЙ ПЛАХОВ** считает, что это повод посмотреть на великого режиссера, классика XX века, из перспективы XXI.

Если суммировать мнения о Бергмане его соотечественников-шведов, получится странная картина. Все признают, что он снял важные фильмы и стал частью истории кинематографа. Но сегодня публика отворачивается от интеллектуального искусства и предпочитает более динамичное кино с энергичным монтажом. Многие интеллигентные шведы убеждены, что Бергман лишь эксплуатирует религиозные мотивы, но по-настоящему не верит в Бога. А носителем подлинной веры для них является «славянский мистик» Андрей Тарковский, с которым Бергмана особенно часто и не в его пользу сравнивают. Среди вопросов, которые шведы хотели бы чаще всего задать Бергману: «Узнали ли вы на склоне лет, зачем жить, в чем смысл жизни?» и «Удалось ли вам простить тех людей, которые принесли вам зло?».

Но задать эти вопросы никому не удастся. Говоря о Бергмане со шведами, так и видишь монстра, живущего на своем острове и почти не выходящего на свет божий. Остров называется Форэ и находится в военной зоне; говорят, что туда не пустили желавших выразить хозяину свое восхищение Анджее Вайду и Джорджо Стрелера. Существо это не всегда понятное и приятное, но власть культурного патриарха нации ощущает каждый. Когда заговариваешь о возможности личного контакта с Бергманом, любой швед начинает испуганно озираться, как будто его уличили в преступном сговоре. Убедившись, что за спиной никого нет, многие смеются.

Выясняется довольно типичная вещь. В Италии при жизни точно так же недолго любили Федерико Феллини, про которого говорили, что он «плюет на публику». Испанцы обвиняют своего главного режиссера Педро Альмодовара в том же, в чем шведы — Бергмана: оба помешаны на сексе и переступают табу. В общем, шведы не без оснований подозревают, что Бергман больше признан за границей, чем на родине.

Ветви бергмановского древа дотянулись и до России. Увлекательный сюжет современной культуры — Бергман и Тарковский, их отношения между собой и с Богом, перекличка «Иванова детства» с «Земляничной поляной», следы «Седьмой печати» в «Рублеве» и отражение «Персоны» в «Зеркале». Но не менее интересны «бергманизмы» в творчестве Панфилова или Абдрашитова. Или лидеров ленинградской школы — от Козинцева и Хейфица до Германа и Сокурова и самого «бергмановского» из всех — Авербаха.

Прошли годы, и Бергман с его экзистенциальными вопросами начал выходить из моды. Глеб Панфилов вспоминает, как на просмотре «Сцен из семейной жизни» он спорил с Александром Миттой — одним из первых идеологов «зрелищного постмодернизма». «Какая скукота!» — говорил Митта. «Что ты! — возражал Панфилов. — Это так захватывающе!» Но теперь признается: «Он словно сглазил моего Бергмана».

Интерес к Бергману в России не исчез, но изменил свою природу. Из него ушло ощущение 60-х годов, когда было в цене все духовное и серьезное. Считалось неприлично, по крайней мере в творческой среде, говорить о кассовом успехе, тем более о том, кто сколько зарабатывает. Со временем Бер-

Большинство шедевров Бергмана и его оператора Свена Нюквиста (слева) родилось на балтийском острове Форэ ФОТО АР

гман стал казаться чересчур суровым и мрачным, пронизанным черными дырами, которые поглощают энергию и не возвращают ее. Даже Кира Муратова, не верящая в прогресс, признается, что разлюбила Бергмана так же, как вообще разлюбила большое кино. Теперь в Бергмане ей не хватает варварства.

Главной причиной, по которой Бергман не пускали в Россию, были не эротика, не мистицизм, а то, что шведский режиссер бесстрашно рассказывал о присущем каждому страхе перед жизнью. Советская идеология выступала в роли страуса, закрывающего глаза на экзистенциальные вопросы бытия, загоняющего их в подсознание. Поэтому Бергман был ей не просто чужд, но опасен.

Потом потаенные страхи вышли на поверхность, и Бергман-психоаналитик оказался больше не нужен. Но в России уже появляется новое поколение свободных людей. Протестантский бергмановский ригоризм и трезвость отношений с Богом — это именно то, чего всегда не хватало нашей экальтивированной культуре. Так что, похоже, новая ее встреча с Бергманом неизбежна.

В мире есть режиссеры еще старше его, например 100-летняя Лени Рифеншталь и «те, кому за 90» — Мануэль де Оливейра, Кането Синдо и Микеланджело Антониони. Все они более или менее активно продолжают работать. Бергман, самый младший из

плеяды мастодонтов, присутствует в современном кинематографе не столько как действующий режиссер, но и не как легенда в чистом виде. Он нашел промежуточную форму существования.

Питаемый духом северного протестантизма, Бергман довел до предела начатую еще XIX веком духовную драму в своих религиозных притчах «Седьмая печать», «Источник», «Лицо» и «Как в зеркале». Он безжалостно препарировал человеческую личность в «Персоне», в «Шепотах и криках». И он же показал, как возможно вновь обрести цельность, как гармонично могут сплестись природа и культура, как в каждом большом человеке заключен ребенок, и наоборот, в сыне — отец, в матери — дочь. О могуществе памяти, о силе фантазии, способных победить отчаяние и холод жизни, поведали самые личные и самые универсальные фильмы Бергмана — «Земляничная поляна» и «Фанни и Александр».

Выпустив последний, особенно любимый шведским народом, Бергман ушел из кино. Поздние картины мэтра сняты на видео и фильмами в полном смысле слова не являются. Но чувство его вездесущего присутствия только усилилось. Больше не снимая сам, он дал импульс появлению целой обоймы кинолент в Швеции и сопредельных странах. Это — экранизации мемуаров о бергмановских родителях, осуществленные датчанином Билле Аугустом и норвеж-

кой Лив Ульман, звездой и большой любовью Бергмана. Это — всегда отличимые по манере и стилю, хотя и подписанные разными именами в титрах «бергмановды», фирменные продукты бергмановской «семьи и школы».

Даниэль, сын Бергмана и пианистки родом из Эстонии Каби Ларетей, оказался прирожденным киноманом. Он чуть ли не с пеленок изучил всю отцовскую коллекцию киноклассики, в 12 лет работал ассистентом киномеханика, в 15 помогал отцу на съемках «Осенней сонаты». А потом снял «семейный» фильм «Воскресные дети». Это воспоминание о летнем дне 1926 года, когда Ингмару Бергману было восемь лет, и отец-пастор повез его на велосипеде на один из шведских островов. А потом зритель переносится в 1968 год, когда 50-летний Бергман бросает в лицо престарелому отцу обвинение в эгоизме и бессердечии — мужской вариант «Осенней сонаты».

Благодаря постбергмановской серии оформилось единое природно-культурное пространство, куда входят и Швеция, и Норвегия, и Дания, и даже отчасти бывшая советская Прибалтика. На этой почве произросло ветвистое «древо Бергмана», и теперь, в начале XXI века, Бергман занимает такое же место в мировой культуре, которое в начале XX занимал Август Стриндберг, а ни до, ни после ни один швед.